

Пролог

К реву автомобилей добавился режущий грохот вертолетных пропеллеров. Посмотрев наверх из окна «Вольво», я увидел, как из отодвинутой двери геликоптера спиной вперед, упираясь ногами в порог и выставив задницу, появился человек в пятнистой форме. За спину заброшен автомат с длинным и толстым стволом, на голове зеленый круглый шлем. Оттолкнувшись обеими ногами, он начал быстрый спуск на фале. Прошло несколько секунд, и вот он уже, присев для равновесия, в позе Тарзана оказался на крыше джипа, мчащегося по МКАД со скоростью не менее ста километров в час. Отстегнув карабин, он отбросил фал рукой и осторожно лег на крышу внедорожника. Я не представляю себя на его месте. Наверное, я бил бы ладонями по крыше и умолял водителя остановиться. Но он спустился на джип с другой, видимо, целью.

Вертолет снова завис над дорогой, и в двери появился еще один пятнистый. Он повторил все манипуляции первого с той лишь разницей, что не стал опускаться на крышу «Мерседеса». Повиснув в двух метрах над головой товарища, он зафиксировал себя на фале, перевернулся вверх ногами и в этой совершенно необъяснимой для меня позе одним движением перебросил висящий за спиной автомат себе в руки. Через секунду я увидел, как он, непонятным образом сохраняя равновесие и хладнокровие, висит в воздухе и целится куда-то в кабину джипа.

Невозможно было делать какие-то выводы. Логика здесь отсутствовала. Если он сейчас даст очередь и голова водителя джипа разлетится как елочный шарик, что тогда станет с тем, кто лежит на крыше.

И мне пришло в голову: а что станет... с нами?

МКАД жила своей жизнью. Движение никто не останавливал. Машины мчались по дороге, словно вертолета не было вовсе. Я их всех понимаю. Кому-то нужно срочно оказаться в приемной, у кого-то жена рождает, третий просто ни хрена не видит и слушает «Король и Шут».

Скоро я понял, что выстрелов не будет. Сейчас, во всяком случае. Тот, кто висел над внедорожником, страховал своего товарища. Высуни кто из пассажиров джипа руку с оружием из салона, и его

участь была бы для меня яснее ясного. Это был бы труп.

Но они ведь могут и через крышу выстрелить? — шевельнулась в моей голове лишённая тактических тонкостей мыслишка. — Через крышу-то, а?

И словно услышав меня, пилот вертолета ушел чуть влево, и пятнистый опустился еще на метр.

Я посмотрел на него, и в какой-то момент взгляды наши встретились. Мой был до краев залит страхом, его — безразличным покоем. С таким смотрят передачу «В мире животных» или давят запрыгнувшую на тропинку лягушку. Еще секунда — и он перестал на меня смотреть. Дотянулся свободной рукой до шлема и надел на лицо какой-то прибор, похожий то ли на огромные очки, то ли на видеокамеру.

— Джип тонирован, — понял я, — и сейчас он видит все, что происходит в салоне.

И я подумал, что если он посмотрит сейчас на меня, то увидит, что я ел полчаса назад в придорожном кафе...

Из машины высунулась голова. На секунду. И в следующее мгновение от нее отлетел и ушел назад через крышу «Мерседеса» фрагмент кости.

Что случилось, я понял лишь тогда, когда ветровое стекло «Вольво» забрызгали крупные и жирные, как короткого дождя, капли. Щетки автома-

тически включились и размазали по стеклу красную жижу.

— Проклятье!.. — рыкнул Пострелов и стал дергать рычаг быстро и отрывисто, словно по нему пропустили ток. Вода вылетала и билась о стекло. Щетки угорело метались перед моими глазами. Они смывали кровь. Пострелов, оказывается, на дух не переносит крови!

Я перевел безумный взгляд на дорогу. Головы уже не было видно. Лишь чья-то безвольная рука болталась, свесившись из окна. До тех пор, пока не ударилась о бетонную разделительную перегородку. От соприкосновения кузова с преградой вылетел снап искр, руку закрутило, и она взлетела вверх. Потом, неестественно выгнувшись, повисла. Рука была или вывихнута, или сломана.

Вряд ли в этот момент один я находился в ступоре. То, что происходило на МКАД, видели все, кто имел счастье лицезреть зависший над потоком машин вертолет. И разница между нами была лишь в том, что я не держал в руках руля. Наверное, трудно вести машину по переполненной трассе и одновременно любоваться этим сафари... Любоваться нужно было чем-то одним, а жить хотелось всем. Поэтому все выбирали дорогу и никто не останавливался. Скорость потока была неестественно высокой. Резкая остановка могла означать смерть или инвалидность.

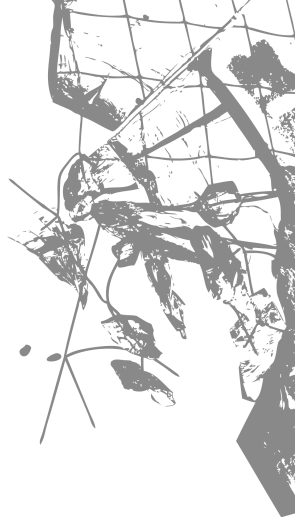
Это были страшные минуты. Кто ошибется

первым — водитель джипа, идущего перед нами, охотники, водители мчащихся рядом машин или я, сидящий за спиной Пострелова и думающий о том, что все закончится хорошо?

Мне захотелось ступить на землю и закурить, чтобы проветрить замусоренную не имеющими ответов голову. Мои уши резал разномастный шум. Крики в салоне Володиной машины, рубящий воздух рокот винтов, сигналы машин и стук крови в моих висках — все это смешалось в один звук и выворачивало мои внутренности наизнанку.

Я высунул голову в окно, чтобы ветер отхлестал меня по щекам и привел в чувство. И запах МКАД, этот ненавистный за годы работы на этой дороге запах выхлопных газов и укатанного асфальта, ударил меня.

Хлестко, до беспамятства...

I

Беляков

Мне постоянно кажется, что весна — это то время, когда надо мною летают растерзанные зимой души клинических идиотов. Хотел по дороге забавное что-нибудь вспомнить, чтобы от неважного настроения отделаться, но не получается. Набивается на воспоминание только всякая мразь. День сегодня совершенно не располагает к хорошему настроению. В голове сырое сито, ветер без привязи, не свищет, как у придурка, — а просто без определенной цели гуляет туда-сюда, ниши проветривает. У таких, как я, это называется творческим застоем. Глаза высматривают тени в пустоте, а внутри царствует вакуум. И кажется мне, что состояние это я уже давно когда-то чувствовал, и что превозмог, и что все будет хорошо, все образуется. Пытался понять, с чего началось, потом

вспомнил — пустая затея. Если в голову не лезет ни одна законченная мысль, из этого не следует, что ты законченный болван, — просто усталость навалилась и нет сил ее стряхнуть. Но откуда творческому настроению взяться, если сутки приходится всякую шваль ломать, а двое суток отсыпаться и пытаться забыть эти сутки?

Весна — и нет лучше, кажется, времени для меня, весною рожденному. Но природа презирает гороскопы, и для нее Рыбы такие же твари, как другие прочие, с теми же брешами в иммунитете, тем же витаминным голоданием. И тут хоть зажрись химией и заешься железными яблоками, будь они хотя бы и молодильными, — не обманешь. Зима свое забрала и теперь пожирает, сука, катаясь на санях дальше. И все в одну кучу до малого валится: прыщи на губах, настроение ни к черту от чего-то необъяснимого (не от прыщей же, в самом-то деле), и все вокруг поджидают момент, как бы добавить к этому салату прокисшему свою толику «добра и света».

Начальник отдела кадров ГУВД, баба злоеющая, по всему видно — нечасто мужем любимая, три года назад не хотела меня, Рыбу, на работу брать. Рыбы-де люди бесхарактерные, влюбчивые, и в голове у них как раз ветер. Посему человеку, рожденному под таким знаком Зодиака, в спецназе МВД делать нечего. Но я ее уболтал, дуру уболтать большого труда не составляет. Я ей сказал, что

служба в спецназе — дело тонкое, требующее интуиции, работать приходится со всеми знаками Зодиака, а Рыбы и есть тот знак, что впитал в себя отовсюду помалу, то есть способны предугадать поведение злодея. И опять же творческие личности под Рыбами и выпестовались.

Три года я занимаюсь тем, что вылетаю на разные стрелки-перестрелки, толковища и просто морду кому-нибудь набить. Нас в отделении шестеро, и сегодня как раз те самые сутки, после которых так хочется поспать и послать все к чертовой матери.

Позавчера некий случай произошел, не со мной, слава богу. Но я был ему свидетелем, и сердце мое сжалось от ужаса, ибо я сразу представил себя на месте той дамы и не нашел тогда слов, и сейчас не нахожу, чтобы описать ее состояние.

Люблю я у окна чай пить.

Вот так сидел я сегодня и пил чай при открытом окне, держа в энкавэдэшном подстаканнике, на блошином рынке купленном, чай с бергамотом. И в тот момент, когда решил сдуть серебристую пыльцу с дымящегося зеркальца, на подоконник упала сосулька. С бивень слона размером, как мне показалось. Как бы то ни было, но если бы я следом увидел слона, веревочкой к воздушному шару привязанного, ничуть не удивился бы. И вылетел бергамот из чая, а чай из стакана, и хлынуло

мне все это по отдельности на то место, простите, которое к чаепитию совершенно не расположено.

Но это относится к весенним мерзостям, а никак не к случаю, на глазах моих произошедшему. Впрочем, случаи эти похожие, разве что без бергамота.

Возникло на дверях каждого подъезда объявление угрожающего характера в прошлую субботу. Из меня, знаете, никак не может выветриться дух замученных в сталинских лагерях и порубленных Батыем предков. Когда я вижу на двери объявление, у меня сразу холодеют ладони. Ибо никогда еще на бумаге, недоброй рукой работника ЖЭКа прижатой к двери, не была написана добрая весть. Это или война, или воду отключат, что еще хуже в некоторых случаях. И безобидное на этот раз сообщение на бумаге было, и предупреждалось им, что в субботу, в 11:00 будет сброшен снег с крыши нашего 11-этажного дома. И что машины-то убрать, конечно, лучше, если, конечно, машины жаль. Так, на всякий случай. Я машину под окном не ставлю никогда. Три года назад из чьей-то блядской руки вывалилась вилка, — не исключаю, что не вывалилась, а была интеллигентной рукой выбита, — и упала на капот моей «Тойоты». С тех пор двор для меня стал глазом дракона, и я наматываю по сто лишних метров от дома до стоянки.

Примечательно и характерно, что сброс снега был запланирован на 11:00, а объявление засвети-

лось бельмом в 9:00. Тем не менее я подивился тому, как незаметно и быстро исчезли со двора все авто.

Первая серия, она же — прелюдия этого триллера под названием «Крик», закончена. Можно сходить перекурить.

Вторая серия.

Живет в соседнем подъезде мужик, которого все почему-то считают колдуном. Я его вижу часто, на колдуна он похож, как я на испанского летчика, но в глаза ему на всякий случай все равно не смотрю. Колдун трудоустроен неплохо. Разместив ПБОЮЛ по месту жительства, — в одной из комнат сдаваемой в аренду двухкомнатной квартиры, — он принимает братков, моргающих, как цветомузыка, потертых временем и дорогами дам и других умалишенных, которые всегда готовы выложить по 10—15 тысяч рублей за привороты-отвороты, смерть врагу и провокацию эректильной дисфункции любовникам своих неверных, потрепанных временем и дорогами дам. В общем, ходят к нему те, кто хочет чьей-то гибели и кто сам желает ее избежать. Моя писательская фантазия подсказывает мне, что к колдуну по очереди ходят обе стороны втайне друг от друга. Помогает он, конечно, всем. И моя писательская фантазия опять наталкивает меня на мысль, что он дает себе отчет в некой зеркальности своих колдовских мероприятий, но тем не менее поступает вопреки здра-

вому смыслу. Я его понимаю. А еще лучше его понимает мой знакомый по стоянке Виталька, который живет в соседней комнате той самой арендуемой квартиры и который все звуки, коими сопровождается изгнание или, наоборот, форум демонов, слышит так, как если бы все это было адресовано ему. Против такого паранормального соседа он не протестует, справедливо полагая, что иметь своего колдуна во френдзах не каждому выпадает счастье. Отчасти со слов Витальки эта история и рассказывается сейчас.

Поведал он ее мне вечером того дня, как увидел я картину, заставившую сердце мое покрыться коркой льда.

В очищенный от машин двор, радуясь, верно, что как же хорошо жить в таком не запруженном автотранспортом дворе, въехал «Лексус-RX-350» черного цвета и припарковался у колдунского (Виталькиного) подъезда. Из него вышла женщина лет сорока пяти на вид. Я сразу понял, по чью душу посетительница, точнее сказать, кому она свою принесла. И в темпе, в котором обычно идут за гробом королевских особ, взошла она на ступени.

Я стоял, пускал в окно ржавый от зависти сигаретный дым, и фантазии мои, свойственные только одним гороскопическим субъектам — Рыбам, не давали мне покоя. Я думал о том, что можно выйти во двор, дожидаться появления расколдованной бабы и предложить поменять ее 350-й на мой

300-й. Без доплаты, разумеется. «Она бы согласилась», — хрипели мне в ухо самые худшие из характерных рыбьих черт. Я только что закончил думать о том, что на стоянке стоит ее 300-й, а я вижу свой 350-й, как на тот, что я видел, упал огромный кусок льда с примерзшим к нему сугробом снега.

Мастер эротической прозы описал бы эту картину так:

«Огромный, похожий на ладонь ослепшего от онанизма циклопа пласт загрубевшего снега трахнул чернявого красавца с такой дикой страстью, что тот подскочил на месте и дико закричал».

Я делаю паузу, чтобы вы могли представить, отчего бергамот оказался на моих брюках спустя двое суток после случившегося.

Мысленно я быстро поменял «Лексусы» местами. Ее подогнал к подъезду, свой поставил на стоянку.

Через минуту появилась она, — в распахнутой норковой шубке, словно от паха до горла вспоротая безумным охотником медведица, — дама стала бегать вокруг машины и махать лапами.

Я не мог дальше смотреть на это. С мертвым сердцем я сел в кресло и включил телевизор. Дальнейшее продолжение истории ведется от лица Витальки: «...я как увидел эту суку, сразу возненавидел. А она ему в комнате говорит: «Мне бы хотелось, чтобы эта молоденькая дрянь, что от него понесла, аборт сделала». Колдун сообщил, что он

не гинеколог, а всего лишь психолог и видит прошлое и будущее, но даже и в таком своем сверхъестественном состоянии не в силах повлиять на промысел божий, но она дала ему 20 тысяч, и он согласился. Полчаса они там что-то кашеварили, такое впечатление, что он аборт как раз и делал, а потом я услышал совершенно лишний в данной ситуации вопрос. Он был столь же не к месту в той комнате, как был бы не к месту Святой Валентин: «Скажите, а бог простит?» Колдун: «Не вы же аборт делать будете». Этого оказалось достаточно. Через минуту программа дистанционного прерывания беременности была установлена, произошел расчет, а еще через мгновение раздался вой во дворе».

Моя хрустальная, несбыточная мечта теперь — узнать, сделала ли та девчонка аборт.

Мечта номер два — «Лексус-RX-350». Но это, кажется, еще более недостижимая мечта.

Добравшись до Управы, я оставил машину на парковке и поднялся на наш этаж. Приехал я, кажется, первым, и это еще больше испортило мне настроение. Тишина, в раздевалке вокруг витает характерный запах спортивного зала, мужской силы и отрешенности. Хоть волком вой.

Стоя в трусах и носках, я вынимал из кабинки камуфляж и снаряжение. Нет страшнее картины, наверное, чем мужик в трусах и носках. Мне отец

всегда говорил — прежде чем снять брюки, стяни носки. Наличие носков лишь подчеркивает, что ты в трусах. Отсутствие оных позволяет играть мышцами и делать вид, что не обстоятельства тебя раздели, а твоя воля. Но привычка не прижилась. Ребенком я оказался трудновоспитуемым.

Через пару минут появился, слава богу, Касьяненко. Здоровый парень казацкого происхождения, разговорчивый до омерзения. Иногда за это хочется его убить.

Натянув брюки и куртку, я застегивал пуговицы, «молнии», трещал липучками. Пустой разгрузочный жилет валялся под ногами, мешал мне, но отодвигать его в сторону было лень.

— Проголосовал? — спросил он, предполагая, видимо, что я из тех, кто ходит на выборы.

— Сходил. Проголосовал. Честно сказать, не впечатлило. Попусту потраченное время. Девчонки все древние, самой молодой не меньше пятидесяти, макияж второсортный, костюмы подобраны второпях. Занавески на кабинках не в тон стенам спортивного зала. Мент у входа хранит на бровях чувство вины за вчерашний день. — Нагнувшись, я поднял «разгрузку» и накинул ее на плечи. — Кастинг наблюдателей явно не проводился, брали первых попавшихся. Тот что слева имел вид изнуренного онанизмом начальника вещевого склада воинской части, вторая смотрела на мир сумасшедшими глазами сквозь стекла огромных очков

в плексигласовой оправе. Что она могла наблюдать, я не понимаю. Третьего не было, хотя стол для него имелся.

Бюллетень ничего. С голограммой. Прилепленной криво. В кабинках толком не переодеться — занавески колышутся, видно ноги. Туалетная бумага отсутствует...

Касьяненко слушал и скорбно молчал. Он не понимал людей, которые не ходят на выборы. Он их осуждал, считая, что лучший способ бороться с кандидатом от власти — это голосовать за любого его конкурента. Что он и сделал вчерашним днем, я так думаю. Интересно. Кто получил лишний голос только потому, что Касьяненко недолюбливает Медведева? Медведев знает, что его Касьяненко недолюбливает?

Вот какие вопросы приходят в голову рожденному весной капитану спецназа МВД.

Но Касьяненко нужно заткнуть, иначе потом весь день придется слушать долгоиграющую историю, которая начинается утром, а заканчивает он свое повествование ближе к ужину. Лучший способ заставить его замолчать — начать рассказывать свою историю, ту, которая ему не по душе. Двухметровый гигант обижается как ребенок и уходит в себя. Лучше бы он оттуда и не выходил вовсе.

— Согнутый всего в два раза бюллетень еле засунул в щель. Не представляю, как справляются с очевидной проблемой те, кто согнул его вчетве-

ро, — секу я неприятными словами его веру в то, что на выборы ходить нужно. — Динамики никакой. Все сидят в ступоре, смотрят друг на друга: секретари на наблюдателей, наблюдатели — на секретарей. Кто-то приходит, кто-то уходит. Сюжет получается рваный, общий смысл теряется за частными мелочами, как то: «Скажите, а какой знак можно поставить?». Я: «Ставьте на них всех крест!» Секретарь: «Против всех голосовать запрещено!!! Если спустили — идите!!!» — чувствуется инструктаж. Я: «Так вот что в кабинке делать надо было?» Брови сержанта вскидываются и подбитой птицей падают на утес носа. Он все слышал, но ничего не понял.

Главная музыкальная тема мероприятию соответствует так же, как открытию оздоровительного центра соответствует «Интернационал». Напитков никаких, финал смазан. Дресс-код отсутствует, впускают кого попало. Я ушел, этого никто не заметил. Из воспоминаний — календарь на папиросной бумаге на восьмой год, засунутый мне в паспорт похожей на Крачковскую секретаршей постпенсионного возраста. Надеюсь, ее номера телефона на нем нет. В общем: любовь — один балл, детектив — три, секс — два, извращения — пять. До сих пор пытаюсь понять смысл ограничения до 18 лет...

— Ты политически близорук, — режет меня Касьяненко, дальше, всего один раз — Кас.

Постепенно подтягиваются пацаны. Всего нас шестеро на круглые сутки. Плюс два пилота вертолета «Ми-6».

Спецназ РУБОПа ГУВД Москвы по контролю МКАД. Блатное место по меркам СОБРа.

Хохот стоял гомерический, когда в раздевалку вошел Мерцалов. Подполковник Мерцалов, командир нашего краснознаменного (шутка) отделения, мужик мировой, но свирепый. При нем лучше не хохотать, ибо к веселью он относится с какой-то патологической ненавистью. Вся жизнь его прошла на войне, он обвешан орденами и медалями, как Брежнев, шрамами покрыто лицо Цербера нашего, и к каждому — уважение немереное.

— Гогочем? Пять минут.

И ушел. Это означает, что через пять минут он едет на свою новую войну. Ну и мы вместе с ним, обуза. Он бы давно всех перерезал лично, этот пятидесятилетний мужик, переодевшись во все черное и измазав лицо сажей, — перерезал, но ему навязали пятерых салабонов, от которых шума и пыли больше, чем толку.

На «Газели» цвета диарейного поноса с надписью «Аварийная» мы выезжаем на вертолетную площадку. Через полчаса, проверив связь и оружие, поднимаемся на борт. «Ми-6» психоделической раскраски — желтый с красными узорами. Сразу не поймешь, какому ведомству он принадлежит. Не то пожарному, не то со съемочной площадки Джона Ву. Я знаю каждый закуток в нем,

сиганул с него с парашютом восемьдесят четыре раза. Еще двадцать — с «Ила». Потом сигать надоело, квартиру не дали, уволился из ВДВ и теперь вот здесь в качестве салабона езжу с Мерцаловым для регулировки движения на самой большой кольцевой дороге в мире.

— Значит, так, — говорит Мерцалов... Если бы мы сидели сейчас без средств связи в «сферах», где наушник вставлен в шлем, а микрофон выведен ко рту, можно было даже не думать о какой-то беседе. В «вертушках» во время полета стоит такой густой вой, что его можно резать ножом. Прокричи — сам слова не услышишь. Но «сферы» глушат звуки сами по себе, а наушник вставлен прямо в ухо — удобно и практично. — Значит, так. Какая-то бригада согнала машину жены заместителя начальника РУБОПа...

— Ююкина?! — орет Панфилов, второй по древности после Мерцалова.

— Еще раз рот откроешь, выброшу в рампу, и побежишь следом. Так вот, какие-то недоноски спихнули машину жены заместителя начальника РУБОПа, и та покалечилась. Приметы тачки есть, дополнительную информацию получим по дороге и на месте. Вопросы?

Жена Ююкина, это, считай, наша жена.

Если бы так было, она бы обязательно добавила: «Мне так необходимые двадцать тысяч долларов до «Лексуса-350». Уж я бы постарался.

//

Вера Игоревна

Динамический хаос, по мнению ученых, это сложное непредсказуемое поведение детерминированной нелинейной системы. Оказалось, что простые системы, состоящие из малого числа компонентов, с детерминированными правилами, не включающими элементов случайности, могут проявлять случайное поведение, довольно сложное и непредсказуемое, причем случайность носит принципиальный, неустранимый характер. Такого рода случайность, непредсказуемость развития системы понимается как хаос.

Грань хаоса — критическая точка системы, в которой незначительное изменение может либо вызвать хаотическое поведение системы, либо замкнуть систему в статическом состоянии.

Существует предположение, что без внешнего воздействия системы стремятся к точке грани хаоса.

Серебристый «Мерседес Геленваген», объезжая затор на пересечении МКАД с Дмитровским шоссе, выскочил на встречную. Чтобы избежать столкновения, он принял вправо и тут же принял левым бортом удар по двери водителя. Не ожидая маневра «Геленвагена», черный «Мерседес-600» вмял дверь джипа и остановился. Не нажми води-

тель на тормоза так быстро, тяжелая машина протаранила бы джип, как торпеда.

Не успел шофер седана выйти, — он лишь открыл дверь и ступил ногой на асфальт, — как водитель джипа включил передачу, и машина, визжа четырьмя колесами, рванулась вперед.

Не ожидавший такого резкого старта находящегося в аварии автомобиля и объезжавший место происшествия водитель «Ауди» резко взял вправо, и в заднюю дверь его тотчас врезался микроавтобус «Караван». Куски стекол влетели внутрь салона и ударили в лицо водителю. А тот, кто сидел в «Караване», ударил по тормозам, и в корму его, заперев выезд с Дмитровского шоссе на МКАД, въехал «Порше Кайен».

Едва «Порше» остановился, стряхивая с лакированного капота каленые кубики стекла, его бампер сломал «Москвич». Сердце пожилого водителя не выдержало, от шока у него перехватило дыхание, он схватился за грудь и через минуту умер. А пока он боролся со смертью, в левую дверь «Кайена» ударили «Жигули» седьмой модели, а сзади, взбугрив багажник, шарахнул джип «Лексус». Ветровое стекло «Кайена» вылетело и, таща за собой резиновый уплотнитель, расколосось на сотни осколков на крыше «Москвича».

Молодой человек за рулем «Кайена» бился в салоне, как кукла в руках нервной девочки. Во время последнего удара сорвавшееся с «Лексуса»

зеркало полетело вперед, словно пущенное пращей. Ударившись о голову водителя «Порше», оно разлетелось вдребезги, засоряя салон внедорожника осколками, фрагментами пластикового корпуса и мозгами. Упав на руль, мертвый водитель с бесприютной тоской смотрел в окно своей машины, из левой брови его торчал осколок стекла.

Его остановившееся сердце, прижавшись к рулю, выло, и этот звук тонул в десятках других, раздававшихся вокруг.

Система замкнулась.

Водитель «шестисотого» захлопнул дверь и, резко выкручивая руль, взял с места в направлении, куда умчался «Геленваген». От обеих машин на холодном асфальте остались лишь жирные следы пробуксовки.

Отъезд машин — первопричины коллапса — уже ничем не мог помочь системе. Она дошла до точки хаоса. И замерла в статическом положении.

«Шестисотый» догнал серебристый «Геленваген» на развязке, ведущей к Вагоноремонтной улице.

Поведение водителя джипа не оставляло сомнений в том, что он понимает, что его гонят, что он не хочет, чтобы его загнали, и что он предпримет все усилия для того, чтобы избежать встречи с хозяином машины, стоимость которой более трех миллионов рублей.

— Сам он не остановится, — спокойным, словно речь шла о чем-то неинтересном, сказал водитель «шестисотого».

— Ну так останови его, — через минуту, голосом человека, полностью отдавшегося бесцельному наблюдению за природой за окном, произнес сидящий на заднем сиденье мужчина.

— Остановится, — пообещал сидевший рядом с водителем третий, не поворачивая головы и не выпадая интонацией из общего разговора.

На развязке все закончилось.

Выезжавшая на МКАД фура заставила джип притормозить, и водитель «шестисотого», угрожая водителю фуры столкновением, заставил ее остановиться.

Джип оказался в мышеловке.

Поняв это, трое мужчин из джипа тотчас освободили салон и оказались на улице. Их взгляды могли уверить любого в необходимости держаться от них подальше. Особенно от того, кто сидел за рулем «шестисотого».

Но водитель черного седана вышел не один. Вместе с ним выбрался из салона, тесного для него и неудобного, его спутник.

Первым делом они обошли машину и развернулись лицом к капоту, оценивая повреждение. Было на что посмотреть. Решетка радиатора превратилась в хлам, капот чуть примялся, как поддетая ножом крышка консервной банки, бампер развалился на две части и свисал с морды «Мерседеса» казацкими усами.

Все это время они стояли спиной к ожидавшим

их приближения пассажирам джипа и спустившегося на нетвердых ногах со ступеней еврофуры «Вольво» дальнобойщика.

— М-да, — сказал водитель и развернулся к тем, благодаря которым стоимость «Мерседеса» возросла не менее чем на десять тысяч долларов.

Второй, пережевывая жвачку, уже шел вперед. Подошли они вместе.

Подумав, водитель фуры поднялся в салон и стал ждать. Двое русских, загнавших троих кавказцев. Это не просто двое русских и трое кавказцев, а двое русских на абсолютно новом побитом «шестисотом» и трое кавказцев на свежем побитом «Геленвагене». Между двумя этими ситуациями пропасть глубиной в Марианскую впадину. Все указывало на то, что если речь и пойдет о вызове комиссаров страховых компаний, то не сейчас. Водитель фуры заблокировал двери. В конце концов, он не имеет к этому никакого отношения, а его отъезд может обострить ситуацию.

— Эй, что хотел? — прикрикнул один из кавказцев, погружая руки в карманы.

— На «эй» зовут коней. Для тебя, черт поганый, я — Александр Иванович.

— Э, э-э! — потемнели кавказцы. — Ты с кем сейчас разговариваешь!

— С тобой я разговариваю, урла черножопая, с тобой. — И молчавший до этой минуты спутник водителя двинулся вперед.

Теория вероятностей занимается изучением событий, наступление которых достоверно не известно. Она позволяет судить о разумности ожидания наступления одних событий по сравнению с другими, хотя приписывание численных значений вероятностям событий часто бывает излишним или невозможным. Согласно Лапласу, внесшему, пожалуй, наибольший вклад в развитие теории вероятностей, она «по существу представляет собой не что иное, как здравый смысл, сведенный к вычислениям». Слово «вероятно», его синонимы и производные от него могут употребляться в различных значениях. Примерами некоторых из них являются следующие утверждения: «Вероятно, завтра у меня будет секс», «Вероятно, Буш слабоумен» и «Если я брошу царский червонец 100 раз, то, вероятно, она выпадет вверх «орлом» от 40 до 60 раз». Математическая теория вероятностей имеет дело с утверждениями, аналогичными последнему.

Их было трое, перед ними были двое. Двое хамили троим. В неправильно разбитом «шестисотом» сидел какой-то невысокого роста русский и выходить боялся. Двое выслуживались. Не грех воспитать и, если тема пройдет, тут же выбить бабки на ремонт джипа. Уже никто никогда не докажет, что они побывали в роготряске на пересечении с Дмитровским шоссе.

— Я выдеру тебя, как собаку, — пообещал на-

званный урлой и по-кавказски резко двинулся на кровника.

Тот спокойно шел ему навстречу.

Водитель фуры в огромное, похожее на трюмо зеркало видел, как приятель русского из «шестисотого», сплюнув сквозь зубы, чуть сменил курс и направился к двоим оставшимся кавказцам.

Он добрался до них, обойдя вмятую дверь джипа, быстрее, чем их друг приблизился к водителю.

Сжавшись, как пружина, один из двоих кавказцев невидимым движением выбросил вверх ногу.

Движение было молниеносным, раздался лишь хлопок штанины.

Русский у самого своего лица перехватил ступню кавказца. Подошва туфли в его руке согнулась, каблук отслоился, раздался хруст кости. А потом мощным ударом ноги ударил по опорной ноге кавказца. Подлетев в воздухе и перевернувшись, тот ударился спиной об асфальт так, что из легких с резким звуком вылетел воздух.

Тот, что бросился на водителя, этого не видел. Он вообще ничего не видел и не слышал. Только лицо оскорбившего его русского и его ровное дыхание. Только этот звук раздавался в космосе кавказца — никому не слышный шум работы легких кровника.

Элементарная теория. В очень простых ситуациях интуитивно ясно, каким образом можно приписать вероятности отдельным событиям. Напри-